

Марина
СЕРОВА

Помощница Палача

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Помощница палача

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Помощница палача / М. С. Серова — «Эксмо»,
2020 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-04-105069-6

Полковник полиции и старый друг телохранителя Евгении Охотниковой просит ее о помощи в поимке главарей банды, похищавшей и убивавшей девушек. Женя под видом заключенной должна проникнуть в колонию, где отбывает срок подруга одного из лидеров группировки, втереться к ней в доверие, а затем организовать побег и с помощью новой подруги выйти на бандитов. Но Охотникова даже не представляет, сколько жутких тайн ей еще предстоит узнать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105069-6

© Серова М. С., 2020
© Эксмо, 2020

Марина Серова

Помощница палача

© Серова М. С., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

В этом году снег сошел примерно к середине февраля, неожиданно для граждан и синоптиков. Солнышко ярко сияло, воздух прогревался, несколько дней звучала весенняя капель и текли веселые ручейки талой воды. Потом снег совершенно испарился, и все вокруг быстро подсохло. Народ мгновенно настроился на то, что весна в этом году будет ранней и принесет значительное потепление. Но не тут-то было. Солнышко стало гораздо реже выглядывать из-за туч и радовало теплом робко и неохотно. Воздух почти совсем не прогревался. Зато пронзительные и холодные ветра, обычные для февраля, старательно продували наш город со всех сторон и гоняли по серым улицам тучи пыли.

Телохранитель Евгения Охотникова слонялась по квартире, не находя себе места от тревожных размышлений.

На этот раз я ввязалась в настоящую авантюру. И любая, пусть даже мелкая ошибка может мгновенно выйти мне боком. А невинная оплошность способна повлечь за собой катастрофические последствия.

Я глубоко вздохнула и покинула квартиру. Вышла на балкон, чтобы выкурить сигаретку, вспомнила, что бросаю, досадливо поморщилась, но осталась стоять на балконе, опираясь руками на перила и наблюдая за улицей, машинами, пешеходами, спешащими по своим делам, и глядя на видневшиеся вдали живописные холмы. Некоторое время я так и простояла, лениво оглядывая окрестности. Пока меня не окликнула тетя Мила.

– Женечка, – постучала она по стеклу балконной двери, – что ты там делаешь, на улице?

– Дышу свежим воздухом, – буркнула я, впрочем, почти сразу заходя в квартиру.

– Какой там воздух?! – фыркнула тетушка. – На улице настоящая пыльная буря начинается! Говорят, даже штормовое предупреждение объявили!

– Ты же не боишься, что меня ветром с балкона сдует в самом деле?!

– А что?! Это весьма небезопасно! – Видимо, тетя Мила решила не сдавать позиций, поэтому продолжила: – Я слышала, этой зимой в Самаре во время сильного ветра упал строительный кран. И, падая, снес три балкона на заселенном доме, который стоял рядом со стройкой. Хорошо, что это было ночью! А если бы на балконах находились люди?!

– А в кабине крановщица! – копируя трагичный тон тетушки, охотно поддержала я.

– Да! – не усмотрела она подвоха. – При сильном ветре высотные работы запрещены. Но эти нормы частенько нарушаются! Так что могли пострадать люди. Впрочем, они все равно пострадали.

– Это каким же образом?

– Да как же, Жень! Балконы ведь начисто снесло, они восстановлению не подлежат! Вот и представь: дверь есть, а балкона нет! Кроме того, люди лишились всех заготовок на зиму, что хранились в прохладе!

– Да, это неприятно, – согласилась я, впрочем, уже думая о своем.

Но тетя Мила инстинктивно уловила, что внимание аудитории ослабело, и не собиралась с этим мириться.

– А в Хабаровске сильным ветром с балкона сдуло старушку, что вышла покурить! – азартно добавила она.

– Да, это ли не повод бросить пагубные привычки!

– Хорошо, что снега вокруг было много, и она почти не пострадала, – тем временем неслась дальше тетушка.

– А с какого этажа выпала старушка?

– Кажется, с шестого или с восьмого, и прямо в сугроб!

– Нет, тетя Мил, у нас даже в разгар зимы такого снега быть не может. Тарасов – это вам не Хабаровск, здесь осторожней надо быть.

– А о чем же я тебе говорю! – сделала совершенно неожиданный вывод тетушка. – Нечего торчать на этом балконе!

Мне очень хотелось развить диспут и сказать, что опасности могут поджидать человека не только на балконе, но и везде, абсолютно в любом месте. Начиная с пресловутого кирпичика, который неожиданно может свалиться вам на голову на улице, грабителя в подворотне и лихача на дороге, машины с неисправными тормозами, несвежих устриц в дорогом ресторане и заканчивая домашними травмами, неисправной проводкой или скользкой кафельной плиткой в собственной квартире. И это я еще не упоминала о профессиональных рисках! А они бывают очень велики. Но делать я этого не стала, потому как не хотела лишний раз лить воду на мельницу тети Милы и нарываться на новую порцию нравоучений. Ведь тетушка откровенно недолюбливала мою профессию, считала ее неблагодарной и слишком опасной. А гонорары – пусть и неплохими, но зачастую не стоящими того риска, на который каждый день шла ее любимая племянница. Тетя Мила мечтала, что я наконец решу остепениться, сменить профессию на более престижную и доходную, найду себе выгодную партию, обзаведусь семьей и нарожаю кучу детишек. Меня подобная перспектива совсем не впечатляла. Поэтому диспуты на эту тему происходили между нами частенько. Впрочем, сейчас тетя Мила была занята. Она унеслась на кухню, проверить какую-то ароматную выпечку в духовке. А я снова задумалась.

Недавно, словно в приступе внезапного беспокойства, я торопливо привела в порядок все текущие дела. Навела порядок в сейфе, закрыла кредитные обязательства, ответила на текущую почту. Положила кое-какую сумму денег на бытовые расходы на карту тети Милы. Приготовила несколько свертков с минимальным необходимым для выживания набором. И, тщательно проверяясь, расположила их в тайниках по городу и даже пригороду Тарасова. И теперь, когда все или почти все было готово, мне предстояло, пожалуй, самое сложное испытание – разговор с тетей Милой. Я продумывала фразы и заготовливала речи, но браковала их одну за другой. Несмотря на мою обычную находчивость, я сломала голову, но так и не придумала, как объяснить любимой родственнице, что мне предстоит! Как донести, что потребуются от нее? И главное – как сказать почему? Зачем все это нужно? И насколько важно, чтобы она соблюдала в эти, а главное – в последующие – дни одну четко выверенную линию поведения! Это была сложная, почти непосильная задача.

Но в конце концов я вспомнила старую мудрость о том, что дорогу осилит идущий. А также тот факт, что мне всегда лучше удаются экспромты. И решила просто начать этот сложный разговор, а дальше как пойдет.

Неожиданно тетя Мила сама помогла мне.

– Женечка, – прокричала она с кухни, – я тут печенье испечь затеяла. И все забываю тебя спросить. А что это к нам Геночка давно не заходит? Наверное, как всегда, работы много. Может, пригласишь его сегодня вечером на чай с печеньем? Помнится, Геночка всегда очень любил мою выпечку.

– Это потому, что она у тебя всегда божественно выходит, тетя Мил!

– Ой, спасибо, дорогая. Ты, когда хочешь, можешь быть такой славной, ласковой девочкой.

– Сейчас ты скажешь, что я слишком редко это делаю, – усмехнулась я, появляясь на пороге кухни.

- Просто с языка слова сняла, – не осталась в долгу тетушка.
- Ага. А давай чаю выпьем.
- Я уже и заварила, разливай, Женечка.

С Генкой Петровым мы вместе учились в Ворошиловке. Продолжали дружить после того, как я стала частным детективом и телохранителем, а Петров – полковником полиции и главой местного, тарасовского управления. И однажды по старой дружбе Генка предложил разыграть тетю Милу. Изобразить пылкую страсть, ухаживания и неземную влюбленность. Просто чтобы тетушка успокоилась, перестала переживать за судьбу племянницы. А главное – прекратила устраивать мне знакомства-сюрпризы, надоевшие до зубовного скрежета. Затея прошла на «отлично». Тетя Мила слегка ослабила хватку и потеряла свою обычную бдительность. Генка красиво ухаживал, имел представительный вид и ездил на внушительной, дорогой машине. Занимал солидный пост с перспективой дальнейшего роста, что соответствовало представлениям тетушки о хорошем женихе. Кроме того, Петров часто заезжал в гости, отвечивал комплименты и делал мелкие презенты тетушке. А в дни моего отсутствия помогал в решении бытовых вопросов и окружал трепетной заботой. Так что сумел полностью расположить к себе мою родственницу. Но была в этой бочке меда и ложка дегтя, что все портила. Тетя Мила полагала, что наш роман развивается слишком вяло и медленно. Была склонна винить в том, разумеется, мою работу, которая отнимала уйму времени и сил. Но полагала, что Генка, не будучи мужем, не может ставить ее строптивой племяннице условия и ультиматумы. А вот после свадьбы он обязательно поставит вопрос ребром и потребует от меня срочной смены профессии.

А пока же тетя Мила была полна оптимизма. Старательно зазывала Генку в гости, потчевала шедеврами кулинарии и разнообразными кондитерскими изделиями. Что, разумеется, нравилось полковнику Петрову и вполне устраивало меня. Поскольку так можно было несколько лет протянуть, общаться с приятелем и одновременно обеспечивать себе спокойную жизнь. Но в последнее время мы довольно редко виделись с Генкой, что заставило тетушку слегка активизироваться. Отсюда и неожиданная выпечка утром буднего дня, и прозрачные намеки.

– Так что с Геночкой, я не поняла, ты его пригласишь? – Пауза слегка затянулась. Тетушка неторопливо отпила ароматный чай, надкусила печенье и, разумеется, нетерпеливо ждала моего ответа.

– Как раз хотела сказать тебе, что Генка к нам больше не придет, – опустив глаза, осторожно начала я.

– Что случилось?! Поссорились?!

Тон тетушки не стал особо встревоженным. Она не верила, что у нас с приятелем может произойти серьезная размолвка. А объяснять, что с некоторых пор визиты в наш дом полицейских чинов стали слегка неуместны, я считала преждевременным.

– Да это не страшно, – тем временем говорила тетя, – милые бранятся – только тешатся. – Она немного помолчала. – А может, ты тогда Васеньку на чай пригласишь?

– Тетя Мила, ты неисправима, – фыркнула я и рассмеялась.

Василий был капитаном полиции. Несколько лет назад мы познакомились с ним в Питере, во время расследования одного дела. В процессе совместной работы подружились. И когда у Васи на службе случились неприятности, я попросила приятеля помочь хорошему молодому человеку. А Генка, недолго думая, взял капитана под свое крыло и предложил перевод в Тарасов. Так что теперь Василий трудится в нашем городе, мы продолжаем общаться и даже не раз работали вместе. Разумеется, он тоже вхож в наш дом и знаком с тетей Милой. Вот тетушка и решила, что капитан, конечно, хуже полковника, но лучше уж он, чем совсем остаться без кавалера.

– Ты неисправима, – повторила я, отсмеявшись.

А тетушка обиделась, надула губки и продолжила пить чай молча.

– Мне нужно с тобой поговорить, – после небольшой паузы сказала я, – и это очень серьезно. И я не знаю, как начать.

– Женя, что-то случилось?

– Пока нет. Но, возможно, мне придется уехать на достаточно долгий срок.

– Снова работа? – Тетушка всегда обладала хорошим чутьем. Вот и сейчас поняла, что я что-то недоговариваю, и мгновенно насторожилась.

– Это не совсем работа. Но я буду отсутствовать какое-то время. Ты только не переживай. Я положила тебе деньги на карту, их должно хватить на разные расходы. Запомни несколько вещей, это очень важно! Если тебе понадобится помощь, к Генке или к кому бы то ни было из его ребят не обращай! Попытайся решить вопрос сама. В экстренном случае можешь позвонить Сашке Гуслистому. Помнишь его?

– Это тот крепкий паренек, что в спецназе служил? – По мнению тетушки, бывшие спецназовцы ее племяннице в кавалеры не годились. Поэтому, произнося эту фразу, она слегка оттопырила нижнюю губку.

– Да. Его номер я занесла в память твоего телефона. Но звони, пожалуйста, только если что-то важное будет. Ладно?

– Женька, что происходит? – теперь уже испуганно пролепетала тетушка.

– Пока ничего. Но если случится нечто неординарное, ты, главное, не нервничай! Помни, что все будет хорошо, что твоя племянница со всем разберется и сумеет выпутаться из любой ситуации.

– Я это знаю, разумеется. Но все равно ничего не понимаю.

– Неважно. Главное – помни, что ты должна сохранять спокойствие. И никому не верь, пожалуйста, особенно если обо мне вдруг станут говорить гадости.

– Кто?

– Да хоть бы кто! Просто игнорируй всех! И храни молчание!

– Понимаю, – задумчиво протянула тетушка. Немного помолчала, а потом добавила: – Это у тебя какое-то новое задание?

– Можешь и так считать, если тебе будет проще. Только говорить об этом ни с кем, разумеется, не нужно!

– Женечка, что ты! Ты же знаешь, что я кремень!

– Знаю, и это очень хорошо. Да, запомни, пожалуйста, еще кое-что важное. Через некоторое время к тебе могут прийти люди.

– Какие люди?

– Совершенно посторонние. Может быть, даже абсолютно незнакомые. Они могут всячески выходить на контакт, передавать от меня приветы или передачи, напрашиваться в гости, что-то расспрашивать и выпытывать.

– Я всем выдам по сачку и отправлю бабочек ловить.

– Куда? – на сей раз слегка растерялась я.

– А куда-нибудь, на дальний хутор!

– Не будь столь категорична! – рассмеялась я. – И никому не груби, не провоцируй. Но в квартиру не впускай. И сама никуда выходить не соглашайся. А если к тебе кто-то подойдет в общественном месте, оставайся на людях и во время разговора, и после него минимум час. Можешь пройтись по супермаркету, торговому центру или в многолюдном кафе посидеть. На вопросы отвечай односложно, ровным тоном, опустив глаза в пол. За приветы благодари, передач или денег не бери. Это не от меня. И вообще никому не верь!

– Хорошо, тогда, может быть, ты мне скажешь, что именно я должна говорить?

– Ты верно уловила суть! Сейчас мы немного порепетируем, пройдемся по основным пунктам, чтобы ничего не перепутать. Твоя племянница – бывший военный. Разумеется, ты не знаешь, где, когда и в каких операциях я участвовала или в какой части служила. Тетя Мила,

упоминать Ворошиловку, а также то, что я частный телохранитель, нельзя! Призвалась на контракт, где-то училась, подробностей ты не знаешь. В последние годы службой была недовольна, собиралась уйти в запас. Потом. То, что произошло, нелепая случайность, вопиющая несправедливость, и так далее, все в таком же ключе. Побольше общих фраз, никаких конкретных сведений. И главное – не нервничай! Понимаешь?

– Кажется, да. Ты бывший военный и служила своей стране с честью. Я не верю тем гадостям, что о тебе говорят. Ты со всем разберешься, а я спокойно жду. Веду обычный образ жизни. И не нервничаю.

– Умница, тетя Мил, ты все правильно поняла. Завтра, если будет время, еще немного порепетируем. Я буду приставать к тебе с разными каверзными вопросами и всячески напирать, пытаюсь вывести из равновесия. А ты просто будь как камень. И не говори лишнего. Отделяйся общими фразами. Или просто отвечай, что не понимаешь, о чем говорит твой собеседник.

– Хорошо. А ты можешь объяснить мне, зачем это все?

– Тетя Мил, когда-нибудь – обязательно. Но сейчас – нет, не могу!

– Жень, у тебя какие-то неприятности?

Не найдя, что ответить, я промолчала.

– Знаю, ты считаешь свою тетушку наивной, может, немного смешной и мало чего понимающей в жизни. Но не забывай, дорогая, что у меня богатый опыт. И я прекрасно понимаю, что в твоей профессии – как на качелях. То стремительно несешься вверх, то внезапно летишь в самый низ. И пусть я противник постоянного риска, стрельбы, ранений, синяков, а также испорченной одежды, в дни кризиса всегда поддержу. Так что ты можешь рассчитывать на мою помощь и содействие. Я не стану лезть с лишними расспросами. И выполню все, о чем ты меня просила. Так что не переживай, дорогая.

– Спасибо, тетя Мил. – Я всегда знала, что моя тетушка – надежный боец. Но, разумеется, даже не подозревала о подобной стойкости.

* * *

Вечером того же дня я вышла за хлебом. Разумеется, пешком и налегке, решила пройтись до соседнего супермаркета. Пользуясь тем, что ветер совершенно утих, подышать свежим воздухом и немного подумать. Ранее я никогда не верила в дурные предчувствия, но в последние дни, казалось бы, беспричинная тревога не покидала меня ни на секунду. Я ожидала неприятностей, чувствовала их приближение всеми фибрами души.

Разумеется, они не заставили себя долго ждать. Я как раз огибала широкую парковку, завернула за поворот, прошла мимо входа в служебное помещение магазина и вышла на бетонированную дорожку, что вела к центральному входу. Но дойти до стеклянных раздвижных дверей не успела. Воздух вокруг меня словно сгустился и противно завибрировал, а время замедлилось. Боковым зрением я заметила осторожное движение справа. Двери неприметного минивэна с затемненными стеклами открылись. Из него высыпали вооруженные люди в камуфляже и с масками на лицах. Они молча и деловито стали окружать меня по дуге. В этот момент отворилась дверь служебного входа и оттуда выбежали еще несколько человек. Не говоря ни слова, нападающие попытались взять меня в кольцо, два человека вырвались вперед, за что мгновенно поплатились. Первого я ударила согнутой в колене ногой под дых, второго ребром ладони. Вытянутой назад ногой достала парня, который подбегал с противоположной стороны. Посмотреть, куда попала, было недосуг, краем глаза заметила лишь, что он отлетел к стене, сполз по ней, да так и остался лежать. А я тем временем хаотично отбивала атаки сразу нескольких противников.

Когда мы видим подобные сцены в кино, где на одного человека, как правило, главного героя, нападают сразу несколько человек, они всегда действуют по очереди. И пробуют свои силы, словно по четкому расписанию, один за другим, реже два сразу, но не более. Разумеется, в жизни всегда все немного по-другому.

Я успешно отбила атаку еще троих крепких парней. Слегка отвлеклась, пропустила одного, позволила ему зайти сзади и мгновенно получила крепкий удар по затылку. Это было что-то тяжелое, возможно, приклад. Свет померк у меня перед глазами, и я потеряла сознание.

Очнувшись я уже в полицейском участке. На руках наручники, на талии пояс, через который протянута толстая цепь, которая, в свою очередь, крепится к ногам толстыми кожаными ремешками. Как мне пояснили, подобные меры применяются ввиду особой опасности задержанной, то есть меня и моего владения навыками нападения без всяческого оружия. А также из-за оказания сопротивления при задержании, повлекшего за собой тяжкие ранения семи служащих спецназа и смерть одного младшего офицера.

Не теряя времени зря, мне зачитали обвинения, к которым добавили сопротивление во время ареста. Разумеется, возражать, что спецназ начал задержание без всяческого предупреждения, не имело никакого смысла. И я предпочла хранить молчание, изредка радуя следователя то иронической улыбкой, то скептическим выражением лица.

После допроса меня отвезли в СИЗО и, проведя через все положенные процедуры, отправили в переполненную душную камеру. Первым делом в нос ударил запах помещения, в котором скопилось достаточно много народу и которое давно не проветривали. Я переступила через порог, поздоровалась, конкретно ни к кому не обращаясь. Уточнила, которая из коек свободна. Улеглась на нее прямо поверх колючего одеяла, повернулась на бок и предалась раздумьям, глядя на обшарпанную стену, когда-то выкрашенную в темно-синий цвет.

Никто из окружающих женщин не пытался приставать ко мне или заводить разговоры, что позволило новоявленной заключенной полностью сосредоточиться на своих мыслях. И совершенно погрузиться в невеселые воспоминания.

Некоторое время назад Генка Петров попросил о срочной встрече. Я как раз вернулась из командировки в Европу, делать было совершенно нечего, и поэтому с удовольствием согласилась. Приятель повел меня в один из лучших джазовых ресторанов города. Заказал шикарный ужин и весь вечер развлекал веселыми историями, расспрашивал о работе, планах на будущее и был само обаяние. А я все время гадала: что именно Петрову от меня срочно понадобилось? И даже пыталась этот вопрос прояснить. Но на мои осторожные расспросы Генка отвечал еще более уклончиво, шутил, загадочно улыбался. И старательно напускал весь вечер туману. Наконец я поняла, что затевать разговор в зале многолюдного ресторана приятель не собирается и просто выжидает. Отсюда можно было сделать сразу два вывода. Петров собирается поговорить в конце вечера, когда мы будем наедине. Возможно, он предложит прокатиться на машине или прогуляться по набережной, чтобы избежать посторонних ушей и полностью обезопасить информацию, что прозвучит. А это, в свою очередь, значит, что разговор Генка затевает очень серьезный.

Я перестала гадать и прекратила попытки заранее что-либо выведать, здраво рассудив, что рано или поздно Петров сам раскроет все карты. А мне остается лишь только немного подождать, наслаждаясь вкусной едой, хорошей музыкой и приятной компанией. Ибо когда Генка был в ударе, он мог легко тягаться с самыми интересными собеседниками.

И действительно, когда мы закончили ужин, Петров предложил прокатиться, а потом немного прогуляться по вечерней набережной.

– Давай, друг любезный, колись, по какому поводу столько внимания даме? – поинтересовалась я, кутаясь в короткую шубку. Здесь, у реки, всегда гораздо ветреней и немного прохладней, чем в центре города.

– Пытаюсь тебя задобрить, – не стал лукавить Генка.

– Seriously? А я думала, ты скажешь: «Мы давно не виделись, я тебе знаков внимания несколько недель не оказывал, боюсь, тетя Мила заподозрит подвох да нервничать начнет. И накроется наша гениальная мистификация медным тазом».

– Я не умею тебе врать. Да и какие могут быть игры между давними друзьями?!

– Могу назвать с десятков вариантов, – хихикнула я. Но приятель лишь улыбнулся одними губами и вновь стал серьезен. – Генка, что происходит? У тебя неприятности? – Теперь уже насторожилась я.

Петров пожал плечами:

– Работа, будь она неладна.

– Знаю, знаю. Сводки, статистика, задержания, расследования, подчиненные, начальство и регулярные головомойки.

– Ты совершенно права. И сама знаешь, в этой работе всего хватает. И триумфальные победы у нас редки, а вот дерьма вечно вдоволь нахлебаешься.

«Так и знала, просто чувствовала, что сегодняшняя веселость приятеля была напускной», – подумала я, а вслух сказала:

– Что-то не нравится мне твое настроение! У тебя неприятности, Генка?

– Мы с тобой не юные идеалисты и знаем, что в жизни случается всякое. И я давно уже не склонен бить себя в грудь кулаками или посыпать голову пеплом, когда преступники уходят от возмездия.

– Вы провели расследование, вычислили злоумышленника, с блеском провели задержание. А потом армия ушлых адвокатов их отмазала, и злодеи ушли от ответственности? – предположила я.

– Не совсем так. Мы провели расследование, вычислили злодеев, только задержать смогли не всех. Парочка самых опасных парней умудрилась ускользнуть и уйти от преследования.

– Что ж, это бывает, – философски пожала я плечами, – объявили их в розыск? Значит, рано или поздно попадутся.

– Да нет, не скажи, – не согласился приятель, – они давно залегли на дно и не станут по глупости подставляться. Да и ушли от преследования грамотно. Так что упустили мы их почти с концами.

– И ты расстроен и обеспокоен.

– Мне понятно твое удивление. Подобное случается не в первый раз, да и наверняка не в последний. И с чего тогда старый приятель ворчит и чудный вечер портит?

– Полагаю, есть причина, – кивнула я, – и думаю, что ты ее мне сейчас поведаешь.

– Это была очень опасная банда. Ты меня знаешь Женька, я не кисейная барышня и многое повидал. Но от того, что эти деятели творили, просто кровь стынет в жилах.

– Правда? А именно?

– Грабежи, разбой, можно сказать, не гнушались ничем. Присматривали небольшие банковские отделения, ювелирные магазины и даже ломбарды в центре города, где клиентов обычно больше бывает. Любили грабить бизнесменов среднего звена. Выбирали таких, которые не держали охрану или имели совсем небольшой ее штат, но это все мелочи.

– А что? Грабили с особой жестокостью? Не оставляли свидетелей и палили без разбору, направо и налево?

– Лица скрывали только от камер видеонаблюдения, свидетелей предпочитали не оставлять, – кивнул Петров, – но и это еще не все. Бандиты похищали молодых девушек и требовали выкуп с родственников. Почерк менялся, могли присмотреть жертву и тихо похитить, а могли и во время грабежа прихватить, вроде как спонтанно решили.

– Это же совсем разный почерк, – изумилась я.

– А они многогранные отморозки! – зло хмыкнул Генка и замолчал.

– Значит, и это еще не все? – спросила я после секундной паузы.

– Они требовали выкуп с родственников жертвы. Но независимо от того, получали деньги или нет, живыми девушек не возвращали. И все то время, пока несчастные находились в неволе, издевались и насиловали, жестоко и извращенно. Честно говоря, даже не думал, что у людей бывает подобная, – на секунду Генка замялся, подбирая слово, – подобная фантазия.

– Но если жертв не оставляли в живых, – пробормотала я, – то откуда вы знаете подробности? Неужели подследственные откровенничали? Просто в голове не укладывается.

– Некоторые весьма охотно отвечали на вопросы после ареста, – кивнул приятель, – но все подробности мы знаем вовсе не из допросов. Ужас в том, что все издевательства снимались на камеру, сопровождалось едкими, мерзкими комментариями и все такое прочее.

– Они хранили записи? Да преступники настоящие маньяки! Или тот, кто всем заправлял, настоящий маньяк!

– Жень, не просто хранили! Они их распространяли в интернете! Вернее продавали на закрытых интернет-аукционах для различных извращенцев!

– А что, разве подобное пользуется большим спросом?

– И стоит немалых денег, можешь мне поверить. Так что на сей раз нам попались маньяки с коммерческой жилкой. Но ты верно заметила, получать удовольствие от страданий других для них было важнее всего. Представляешь, они присылали записи издевательств родителям своих жертв! Это просто неслыханно!

– Да ты что?! Кошмар какой!

– Именно! Бедные люди испытывали настоящий шок и страшное потрясение! Ведь одно дело – знать, что твоя дочь находится у преступников, а ее жизнь постоянно подвергается опасности, и совсем другое – воочию видеть, как издеваются над родной кровиночкой! Многие не выдерживали такого ужаса. Три инфаркта, два инсульта, три нервных срыва, отец одной девочки от отчаяния покончил с собой. Так что число жертв этих садистов больше, чем может показаться сначала, и, боюсь, продолжает расти. Кто-то станет завсегдаем клиник и лечебниц для душевнобольных, а кто-то просто сопьется. Да и суицидов может стать больше со временем. Не все найдут в себе силы с этим жить.

– Да, от подобного сложно оправиться. За границей есть психологи, психоаналитики. Жертвы преступлений и их родные получают обязательную помощь от государства. У нас люди совершенно не приучены обращаться за помощью, если страдают душой.

– Или на частных специалистов средств не у всех хватает. Так что мучениям бедных родителей не скоро наступит конец. А знаешь, что в этом самое страшное?

– Что?

– Ушел от ареста главарь и его близкий друг, практически правая рука. То есть они побегают немного, потом где-нибудь осядут, осмелеют и снова организуют нечто подобное. И будут новые жертвы. Это почти неизбежно.

– Понимаю, такие преступники очень опасны, но что можно сделать в подобной ситуации?

– Есть у меня одна идея, – медленно, словно нехотя протянул Генка. А я поняла, что мы плавно подошли к самой сути нашей беседы.

– С удовольствием послушаю.

– На сей день суд над бандитами полностью завершен, вина всех фигурантов доказана. Все без исключения участники банды, даже те, кто находится в бегах, получили солидные сроки.

– Правда?

– Да, ввиду особой опасности отсутствующих осудили заочно. Был очень громкий судебный процесс, который широко освещался в прессе. Но ты же в последнее время все больше по заграницам работаешь, не все наши новости слышала.

– Это точно! Новостями интересоваться мне особо некогда было, знаешь ли. Так что именно ты придумал?

– Понимаешь, бандиты гастролировали по всей стране. Но некоторые из них – местные уроженцы, то есть из нашего города или области. Поэтому у меня есть теория, что и скрываются беглецы где-то поблизости. Или скрывались в самом начале, может быть, получили помощь у местного криминала. Значит, если знать, за какие ниточки тянуть, можно и затерявшийся след преступников отыскать.

– Пожалуй, есть в твоей теории рациональное зерно. Но на стопроцентный успех я бы не рассчитывала. Наоборот, слишком много в ней разных слабых мест и темных пятен. И сорваться все может в любой момент. И потом, как узнать, за какие ниточки тянуть? У тебя есть чьи-то показания на эту тему?

– Нет! Беглецов никто сдавать не стал и, думаю, ни за что не станет. Полагаю, и это не только мой вывод, члены банды сами как огня боятся своих вожаков. Так что будут молчать, чтобы лично не нарваться на месть психопатов.

– Тогда что? Можно, конечно, устроить рейды по притонам или пустить агентуру по следу беглецов. Забросить, так сказать, сеть пошире. Но делать это надо было по горячим следам. Да и гарантии на успех никогда нет. Теперь же, наоборот, если они где-то поблизости, могут насторожиться да уйти поспешно и залечь еще глубже.

– Правильно мыслишь, подруга! Но моя идея основана вовсе не на этом!

– Тогда что именно ты придумал?

– На всех записях, что мы нашли, за кадром звучит голос одной и той же девушки. Это Алина Полякова, она снимала видео и была любовницей главаря банды. Вадим Сидоров его фамилия, кстати, а дружка Каменев зовут, Александр.

– Петров, да возможно ли это? Среди бандитов, что похищали и насиловали, была девушка?! – несказанно удивилась я. – И ее там не удерживали? Она оставалась с маньяком добровольно? Имела с ним близость? И лично участвовала во всех издевательствах? Это просто невероятно!

– Да, я уж не могу сказать какого рода были те отношения, что связывали Вадима и Алину, на этот счет нет подробностей в деле. А девушка была очень немногословна. Но она оставалась в банде добровольно, это установленный факт. Более того, тот факт, что только она снимала изнасилования на пленку, можно считать тоже установленным. Специалисты доказали: на записи за кадром все время только ее голос. И на обнаруженном оборудовании ее отпечатки имеются.

– Это поразительно! Подобное очень редко встречается!

– Тогда я тебя еще больше удивлю. Это Алина подбивала парней на более изощренные издевательства, а вот приходили в голову они им самим.

– Невероятно. Женщины очень редко бывают лишены сочувствия и сострадания. А для подобных действий нужно быть законченным социопатом.

– Психиатрическую экспертизу мы тоже проводили, кстати. Медики сделали вывод, что Алина Полякова полностью вменяема и отдавала отчет своим действиям.

– Социопатия – это не расстройство психики как таковое. Эти люди и мыслят вполне адекватно, и могут производить впечатление нормальных, если пожелают. Это скорее расстройство поведения. Многие психологи считают, что социопаты генетически лишены совести.

– То есть это проблема наследственная?

– Это всего лишь одна из теорий. Так мы продолжим. Значит, Алина Полякова была осуждена вместе с остальными членами банды?

– Да, и получила весьма внушительный срок, с пребыванием в колонии строгого режима. Правда, потом ее адвокат добился пересмотра дела и некоторого смягчения приговора. В част-

ности, изменения места отбывания наказания. И так как Алина молодая девушка, ей нет и двадцати, суд пошел навстречу.

– И где она теперь?

– Уже чуть больше года в женской колонии под Тарасовом.

– Правда? Обычно, если статья серьезная, преступника отправляют гораздо северней и не посмотрят, что это молодая женщина.

– Ты совершенно права, – кивнул Генка, – это я поспособствовал, чтобы Полякову здесь оставили.

– И зачем, любопытно?

– Есть некоторые соображения.

– А, – мелькнула у меня догадка, – ты хочешь с помощью Алины выманить Вадима, а может быть, даже и Александра?!

– Ты не совсем права, но мыслишь в верном направлении. Как я уже говорил, и Вадим, и Алина оба родом из этих мест. Алину воспитывала родная бабушка, которая все еще проживает в Тарасове.

– Так, и что?

– Вот я и подумал: что, если организовать девушке побег? Куда она направится, как полагаешь? К бабушке опасно, это и дураку понятно, там искать в первую очередь станут. Пускаться в бега совсем без ресурсов проблематично. Так что почти со стопроцентной вероятностью можно утверждать, что она решит любовника разыскать, Вадима Сидорова то есть! Или он, прознав, что Алина находится на воле, разыщет ее, это как вариант!

– Допустим, ты прав. Алине, окажись она на воле, будет некуда податься, и девушка решит, что разыскать любовника – неплохая идея. Допустим даже, что это у нее получится. Ведь Алина должна знать, как мыслит приятель или к кому он может обратиться здесь, в городе, за помощью. Но как она тюрьму-то покинет, если срок большой? Ей бабушка, что ли, побег организует?!

– Вот, подруга, ты зришь в самый корень! Я все продумал и разработал операцию по поимке опасных преступников! И ты сейчас возражишь, что задумка полна зыбких мест и темных пятен. И будешь права, по сути. Ведь все может пойти наперекосяк практически на любом этапе операции. И тогда всему конец. И самой разработке, и агенту, что станет воплощать в жизнь мою задумку.

– Поэтому ты не можешь приказывать никому из своих подчиненных сыграть ведущую роль в операции? И просишь это сделать меня? – снова озвучила я догадку.

– Понимаю, ты мне ничем не обязана, не любишь работать с полицией и много лет уж как сама по себе. Заплатить твой обычный гонорар государство не в силах, такие расходы никто не одобрит. А сама операция может занять некоторое время.

– Это ты меня так странно уговариваешь? – хмыкнула я. – В психологии есть такой прием. И я, между прочим, о нем прекрасно знаю! Так что давай без этих игр, друг любезный!

– Не собирался я ни играть с тобой, ни лукавить, честное слово. Просто сразу озвучил все твои возможные возражения. Чтобы ты понимала – я их полностью разделяю. А также осознаю все возможные риски. Но ты должна понять еще кое-что – с этим заданием никто, кроме тебя, не сможет справиться!

– Так уж и никто!

– Точно говорю, верь слову давнего друга! А лучше послушай мой план, тогда сама все поймешь.

– Предварительный план, ведь ты сам сказал – что-то может пойти не так практически на любом этапе операции.

– Разумеется, об этом я и говорю! Только ты способна сделать это! Воплотить в жизнь мою идею. Понимаешь?

– Пока нет, но ты излагай, не стесняйся.
– Для начала тебя арестуют.
– Спасибо вам с кисточкой за такое начало, – ехидно протянула я.
– Не бойсь, подруга! Дело будет сфабриковано исключительно в рамках операции. Но для полной достоверности его придется провести по всем этапам, от следователя и до судебного решения.

– Вот тебе и первый прокол в плане, Гена! Это долго! Дела делятся месяцами, если не годами! Что же ты мне прикажешь, все это время в СИЗО париться?

– Обижаешь, дорогая, дело на тебя уже сфабриковано. Да так, что не подкопаешься. Ты бывший военный спец, из элиты. Где и когда училась, засекречено, какие задания выполняла, разумеется, тоже.

– И за что же ты меня решил упечь?!

– Ты применила свои навыки для мести врагу и по случайности или специально убила его.

– Конгениально! А почему мною не военная прокуратура занимается?

– Так ты ж в отставке, да и убила, к примеру, гражданское лицо. Нет, это полностью в ведении полиции! А для абсолютной достоверности можем разыграть целое представление с задержанием. Выберем место не то чтобы людное, но где скапливается народ. Начнешь сопротивляться, «убьешь» парочку человек из спецназовцев. И эта история обязательно наберет нужные обороты, уйдет в народ и обрастет подробностями.

– То есть поскольку большая часть информации обо мне засекречена, то и проверить толком ничего нельзя. А тут скандал, слухи, толки и публикации в прессе? И если резвые ребятки заинтересуются, вся улица видела, как я несколько человек из толпы спецназовцев «на тот свет отправила»? Гениально!

– Правда? – обрадовался Генка.

– Нет! – тут же припечатала я. – А ты о тете Миле подумал? Ее ведь тоже могут захотеть проверить! И ты со своими ребятами прикрыть ее никак не сможешь, ибо полицейским нечего делать в квартире осужденного бывшего военного. А сколько ей всего придется послушаться?! Сам знаешь, как это бывает, среди знакомых и не слишком всегда найдутся желающие уколоть побольнее.

– Жень, мы же потом все расскажем! Обвинения снимут, к тебе не будет никаких претензий. Хочешь, даже целую компанию в прессе организуем?

– Обойдусь, пожалуй, – буркнула я. – Кстати, о претензиях! А что, если ненароком я все же слишком помну спецназовцев? Проблем потом не оберешься.

– Все продумано. На самом деле никаких спецназовцев не будет! Возьмем их форму, достанем оружие и спецсредства и моих ребят переоденем.

– Они не согласятся.

– Согласятся, никуда не денутся. Тем более что мы заранее порепетируем немного, разработаем сценарий, распределим роли. И все пройдет без сучка без задоринки и будет совершенно натурально.

– Допустим. Твои парни потренируются, как мне половчее намять бока. Красиво и шумно задержат, препроводят в СИЗО. Допустим даже, что суд тянуть не станет, и меня достаточно быстро направят в ту же самую тюрьму, где отбывает наказание Алина Полякова. Что дальше? Что именно ты придумал, расскажешь наконец?

– Все перечисленные тобой этапы пройдут как по маслу! Этим лично я стану заниматься. Кроме того, я обязуюсь распределить тебя поближе к этой Алине. В один отряд и по возможности в одну камеру.

– Я так понимаю, мне нужно выйти с ней на контакт и наладить общение?

– Не только, дорогая моя, не только. Этот момент я тоже продумал. Алина как девушка недоверчивая может и не пойти на контакт! Понимаешь, ее, конечно, обследовали специали-

сты, но кто может сказать точно, что за тараканы поселились в головушке девицы? Правильно, никто! Не забудь: она не просто с психопатами водилась, она сама их на многие действия подбивала.

– И что же ты придумал, чтобы столь сложная, противоречивая и пугливая особа прониклась ко мне доверием?

– У тебя будут рекомендации.

– Липовые?

– Надеюсь, самые что ни на есть настоящие.

– Боюсь, что не совсем тебя понимаю.

– Я предпринял ряд шагов, чтобы бабушка Алины, Лидия Павловна, услышала о твоём аресте и узнала, в общих чертах, конечно, о твоём послужном списке. Теперь понимаешь? Обычно заключенные прекрасно знают, по какой статье осуждены их сокамерники, а также осведомлены о подробностях их «подвигов».

– И таких заключенных, как Алина, как правило, сильно «прессуют» в камерах. Значит, ты хочешь каким-то образом подвести ее бабушку к мысли?.. Какой именно?

– Да, она захочет, чтобы ты защищала ее внучку в тюрьме от нападков. Уж я постараюсь! И у тебя при себе в идеале будет какое-то доказательство, брелок или медальон. Чтобы сразу было понятно, что ты действуешь от имени бабушки, а не просто инициативу проявляешь. Не навязываешься ни с дружбой, ни с защитой. Понимаешь?

– Допустим, у тебя получится подвести ситуацию и все таким образом разыграть, чтобы бабушка клюнула. Гарантии, что Алина пойдет на контакт, все равно нет. Все будет зависеть от того, в каких девушка отношения со своей родственницей.

– И у Алины, и у бабушки больше никого нет. Родители девушки погибли в автокатастрофе, когда она совсем девочкой была.

– Это ни о чем не говорит. С точки зрения психологии такие люди, как Алина, сами с собой не в ладу. И могут открыто конфликтовать с родней. Что тогда прикажешь делать?

– Тогда ты что-нибудь придумаешь на ходу, ведь ты мастер экспромта. Я верю, что тебе удастся найти подход к не совсем уравновешенной психически девице и расположить ее к себе.

– Допустим, мы встретились, познакомились и даже подружились. Я активно отбиваю атаки, которым подвергается Алина, и конфликтую со всеми заключенными подряд. Что дальше должно, по-твоему, произойти?

– Потом ты организуешь ей побег.

– С твоей помощью?

– Нет, Жень, там мое влияние будет очень ограничено. Так что самой придется.

– Конвоиры, – начала перечислять я, – вооруженная охрана на вышках, расположенных по периметру, кинологи с собаками, группа реагирования, натасканная ловить беглецов по горячим следам!

– И только ты способна все это преодолеть с блеском!

– Допустим, – осталась я равнодушна к его комплименту, – сам собой напрашивается один резонный вопросик. Мне-то зачем бежать? Добавлять к уже имеющемуся сроку еще несколько лет? И не покажутся ли подобные действия подозрительными?

– Конечно, покажутся. Или сама Алина, или ее подельники могут насторожиться. Так что ты должна придумать веское обоснование.

– Ладно, на месте разберусь.

– Конечно, дорогая подруга, я в тебя верю.

– Ага. Насколько я понимаю, ты хочешь, чтобы я не только втерлась в доверие к опасной преступнице, организовала, воплотила в жизнь наш побег, но и потом осталась вместе с Алиной, пока та станет искать своего любовника? И вдобавок его приятеля? А после этого задержала их всех?

– Вот видишь, почему я утверждал, что с этим заданием способна справиться только ты одна?! Никому другому оно просто не по силам!

– Хватит лести, будем считать, что ты меня уговорил. Теперь давай обсудим детали.

– На сегодняшний день мне нужно лишь твое принципиальное согласие, чтобы все винтики закрутились. Детали можно обсудить и позже.

– Как скажешь, но у меня есть еще несколько вопросов.

– Конечно, спрашивай все, что угодно.

– В тюрьме у меня будет с тобой связь?

Генка замялся.

– Я помню, что там твое влияние ограничено, но если операция санкционирована, то можно же что-нибудь придумать.

– Понимаешь ли, тут вот какое дело... – Насколько я помню, друг Генка никогда не умел вдохновенно врать или качественно блефовать. И если его прижать к стенке, он станет мямлить, примерно так же, как сделал это только что.

– То есть ты хочешь сказать, что затеваешь операцию подобного масштаба без одобрения начальства? – растерялась я, – честно говоря, не ожидала от тебя, Петров.

– Знаешь, Жень, не стоит забывать, что я сам начальник! Так что почти не превышаю служебных полномочий. И потом, начальство в курсе того, что затевается операция, но я не посвящал никого в детали. Пока не посвящал и планирую тянуть с этим как можно дольше.

– Правильно, потому что детали очень сомнительные.

– Нет, не слишком! – упрямо вздернул подбородок Генка.

– Ладно, давай разберем все по порядку. Ты не задействуешь в операции штатного сотрудника, а нанимаешь постороннего специалиста, частного, никак не связанного с твоей конторой. Потом этот самый частник попадает в тюрьму по сфабрикованному обвинению. Дальше – больше: бежит из тюрьмы, прихватив с собой опасную преступницу. Слоняется с ней по стране в поисках остатков банды. Кто знает, сколько мелких и крупных законов нам за это время придется нарушить? Правильно, никто. Но избежать этого, скорее всего, не получится. А потом еще твой посторонний специалист и операцию по задержанию проводит самостоятельно, без участия сотрудников полиции. Я ничего не забыла? Да, забыла упомянуть о разных досадных случайностях и недоразумениях, которые могут произойти. А также о том, что по твоей милости я буду на нелегальном положении. Бог с ним, выкручусь! Но когда до твоего начальства дойдут подробности, тебя распнут, Генка!

– Победителей не судят!

– Это замечательный лозунг, но что, если операция сорвется?

– Брось, ты сумеешь повернуть все безупречно.

– Допустим. Но если бы мне предложил подобное кто-то другой, я отказалась бы, не раздумывая!

Некоторое время мы с приятелем брели молча. Наконец Генка пробормотал:

– Ты же знаешь, что я никогда тебя не подставлю?

– Да, разумеется, знаю. И в конце концов твои взаимоотношения с начальством – это твое дело. Но в тюрьме у меня должен быть контакт. Мне может понадобиться информация или помощь в любой момент. Также я хочу, чтобы кто-то приглядывал за тетей Милой на протяжении всей операции.

– Сделаем.

– И, Гена, это должен быть не штатный сотрудник. Если тетюшку станут проверять, рядом с нашей квартирой не должен крутиться никто даже отдаленно похожий на сотрудника или агента полиции. У этих товарищей на такие вещи нюх не хуже собачьего.

– Сложно выполнимое пожелание, но, пожалуй, ты абсолютно права. Сделаем.

– Отлично. И до начала операции мне нужно все, что у вас есть по делу банды. Все рабочие материалы. Клички, адреса, явки, подробности дел и так далее. Слухи, сплетни, какие только можно узнать о главных фигурантах, особенно об этой троице: Алина, Вадим, Александр. Мне потребуется абсолютно вся информация, ибо ее недостаток может сыграть злую шутку с твоим временным агентом.

– Так я же тебе вроде бы все рассказал по делу.

– Далеко не все! Гена, мне нужны подробности! Приведу один пример. Ты так и не сказал, кто расправлялся с жертвами похищений. Как их убивали? Где обнаружили тела и так далее?

– Я понятия не имею, Жень.

– То есть?

– Нам удалось обнаружить тело всего одной жертвы, Вики Мальцевой, и то практически случайно. Когда дом, где скрывались бандиты, штурмовали, ее нашли в подвале. Полагаю, бандиты просто не успели вывезти и спрятать тело. Девушку задушили голыми руками. Вскрытие показало, что ее насиловали несколько дней, жестоко и извращенно. Она была измучена, истощена и сильно обезвожена.

– То есть душить мог как мужчина, так и женщина?

– Нет. Душил мужчина, однозначно. На шее остались синяки от удушения. Это синяки оставлены крупными мужскими пальцами, да и размер ладони специалисты вычислили. Но кто именно убивал пленницу, выяснить не удалось. Задержанные молчали об этом или говорили, что ничего не знают. У меня есть показания лишь одного парня, он высказал предположение, что убивал пленниц обычно Каменев или Сидоров. И они вместе избавлялись от тел. Но никто из членов банды не знает о том, куда главари девали тела убитых.

– Странно, обычно бывает наоборот. Главари поручают своим подчиненным делать грязную работу.

– Похоже, парни руководствовались одним простым соображением: никто не знает – никто не выдаст. И для них безопасней, если тела никогда не будут найдены. В том смысле, что, имея дополнительные доказательства, прокуратура может требовать пересмотра дела для этих двоих. Чтобы ужесточить наказание. Думаю, тогда мы могли бы рассчитывать на пожизненный приговор.

– То есть это тоже входит в мою задачу?

– Выполнять это побочное задание необязательно. Но если получится что-нибудь выяснить, я буду благодарен отдельно. И, конечно, ты можешь рассчитывать на благодарность семей, которые хотят хотя бы по-человечески похоронить своих детей.

– Понимаю и постараюсь что-либо выяснить.

– Спасибо. И, полагаю, нам стоит еще кое-что обсудить. Я уже упоминал вскользь, что не смогу пробить для тебя выплату обычного гонорара. Мы, конечно, оформим тебя как внештатного сотрудника. Я постараюсь выбить все возможные выплаты, включая премиальные. Но все это не идет ни в какое сравнение с тем, что ты привыкла получать за свою работу.

– Не бери в голову. Будем считать, что я оказываю тебе дружескую услугу. И стараюсь сделать улицы родного города безопасней.

– Значит, из любви к искусству? – хмыкнул приятель.

– А что?! Задачу ты поставил практически невыполнимую, а потому интересную. Ты должен был знать, что я приму это как вызов и не смогу отказаться.

* * *

В СИЗО меня сторонились, это стало ясно по прошествии пары дней. Женщины сбивались в небольшие группы, негромко общались. Обменивались рассказами о своих злоключениях. Опытные учили молодых, как поступить в той или иной ситуации. Опасались обыска,

привычно остерегались «вертухаев» и передавали от камеры к камере «маявы» с последними известиями. Очевидно, за эти дни пришло сообщение, которое касалось меня, и в нем содержались все слухи о моем послужном списке, которые удалось узнать. А также, возможно, сюда просочились и сведения о спецназовцах, пострадавших во время моего задержания. И все без исключения обитатели моей камеры решили, что будет гораздо умнее не связываться с этой бешеной девицей и держаться от нее подальше.

Впрочем, как и обещал Генка, следствие провели в кратчайшие сроки. Мне объявили приговор и перевезли в колонию для отбывания наказания, которое было назначено по решению закрытого суда. Я пока не знала, попаду ли в один барак с Алиной Поляковой. Сначала мне предстояло пройти через карантин. Так называлось обязательное медицинское обследование, которое применялось ко всем вновь прибывшим, длилось оно пятнадцать суток и предполагало заключение в одиночной камере.

Что ж, после тесноты камеры в СИЗО я даже была рада одиночеству. Тем более что времени между осмотрами было достаточно, а мне предстояло о многом подумать.

Не знаю, на какие рычаги давил полковник Петров или какие слухи распространял, но, пока «шло следствие», меня действительно посетила Лидия Павловна Полякова, бабушка Алины. Это была хорошо сохранившаяся, приятная женщина с благородной осанкой и седыми волосами, уложенными в затейливую прическу. Ее строгий, классического кроя синий костюм удачно подчеркивал пронзительно-голубые глаза. Овальное лицо с правильными чертами сохранило остатки былой красоты. В молодости она была очень хороша собой, возможно, только ее губы были слегка тонковаты. А может, они утратили часть своего объема лишь с возрастом. Или после осуждения любимой внучки Лидия Павловна приобрела привычку крепко сжимать губы и вытягивать их в тонкую нитку.

– Возможно, вы удивлены, Евгения, визиту незнакомой женщины, – начала она после приветствия.

– Скорее я удивлена, что вам удалось добиться этого свидания. А еще мне любопытно, чем обязана?

– Вас никто не посещает? – Она предпочла сначала задать вопрос, вместо того чтобы ответить на мой. – Совсем нет родни?

– Есть, но довольно далеко, – я немного помолчала, – здесь только тетушка. Но я просила ее не приходить, ни к чему это.

– Что ж так?

– Это все, – я обвела мрачное помещение рукой, – не для нее.

– Расстраиваться будет?

– В том числе. Так кто вы такая и что вам от меня надо?

– Почему вы сразу решили, что мне что-то от вас нужно? – скупно усмехнулась женщина.

– Мне от вас не нужно ровным счетом ничего. Значит, дело обстоит как раз наоборот.

– Что ж, в логике вам не откажешь. Но, полагаю, вы делаете поспешные выводы и оттого неправильные. Скорее мы можем быть полезны друг другу.

– Давайте считать, что вы меня заинтересовали. Так что я внимательно слушаю, поясните, пожалуйста.

– Меня зовут Лидия Павловна Полякова. Полагаю, вас в скором времени отправят в колонию под Тарасовом. Там же отбывает наказание моя внучка, Алина Полякова.

Я молча кивнула, ожидая продолжения.

А женщина слегка замялась.

– Статья, по которой осуждена моя внучка, такова, что, как бы это сказать... Даже не знаю, как поточнее высказаться.

– Я не сильна в юриспруденции. Объясните своими словами, пожалуйста.

– Понимаете, Евгения, Алина девочка хорошая, но трудная, со сложным, противоречивым характером. Она молода и внушаема, оторвалась от родного дома. Поэтому попала под дурное влияние, просто запуталась и не отдавала отчета своим действиям. Плюс на следствии она просто не стала ничего отрицать, отказалась защищать себя, чтобы не сказать лишнего. Чтобы так называемых друзей не выдать. Думаю, она на самом деле не делала и половины тех вещей, что ей приписывают. Моя славная девочка просто не способна на подобное, поверьте мне, Евгения.

– Но суд состоялся и приговор был вынесен?

– Да, и теперь мою девочку очень обижают в колонии. Так вот, я хотела узнать, не могли бы вы взять на себя своего рода миссию по ее защите? По возможности, разумеется.

– Колония большая, не факт, что я буду рядом.

– Все равно вы будете ближе, чем я, например.

– Это да, полагаю.

– Отсюда я не могу ничего сделать для своей деточки! И я очень переживаю, что злость других заключенных или месть родни жертв ее настигнут. А вы, я слышала, умеете за себя постоять. А значит, и ей помочь тоже сможете. Поймите, Евгения, я не слишком богата, чтобы нанять защитника, и не смогу вам платить. И, возможно, вы сочтете эту сделку не слишком выгодной для себя. Но тем не менее я прошу вашего сочувствия и помощи! В свою очередь, я обязуюсь не оставить вас без необходимых вещей, тех, что бывают важны в заключении. Или посильной помощи вашей тете.

– Вы имеете в виду посылки для меня? Тетушка ничего не примет от незнакомки.

– Даже если у вас здесь имеется родня, лишней помощь не будет, полагаю. И, возможно, потом, после заключения, вам понадобится поддержка, особенно если в ней вам откажут родственники.

– Не совсем понимаю, что именно вы мне предлагаете?

– Может быть, вам об этом рано задумываться, но для бывшего заключенного поиск работы и соответственно поиск и оплата жилья может стать проблемой.

– То есть вы мне предлагаете возможность пожить у вас после освобождения? – удивилась я.

– Разумеется, если в том будет необходимость.

Мы еще немного поговорили, вернее, я нашла лишний повод немного расспросить о своей будущей подопечной и окружении, в котором она выросла. Но Лидия Павловна использовала все свое красноречие, чтобы уговорить меня охранять ее внучку, и очень скупно отвечала на вопросы о семье, детстве и родителях Алины. А как только я обронила, что в принципе согласна помочь и обещаю сделать все, что могу для безопасности ее внучки, поспешила свернуть беседу, попрощаться и уйти. Во время прощания Лидия Павловна дала мне медальон. Овальной формы вещица из серебра и на серебряной цепочке на первый взгляд смотрелась очень просто и не таила в себе ничего примечательного. Но на самом деле медальон состоял из двух частей, соединенных подвижным шарниром: плоского основания и выпуклой крышечки. На крышке была тонкая гравировка из лиан и цветов, переплетенных в изящные узоры. Внутри же находилась позолоченная монограмма, состоящая из соединенных друг с другом букв «А» и «П». Лидия Павловна заверила, что Алина обязательно узнает этот медальон. И когда она увидит вещицу, принадлежащую семье, поймет, что я действую по просьбе ее родной бабушки.

Так что, как и рассчитывал Генка, я не просто встречу с Алиной в неволе, у меня будут хорошие рекомендации. Остается надеяться, что они действительно пригодятся. Но надежда – это, конечно, замечательно, а расслабляться все равно не стоит, а значит, не нужно забывать и о моей легенде. Ведь подготавливая свою операцию, Петров не стал продумывать особых деталей моей биографии. Потому как любой, кто станет наводить справки, наткнется на гриф «секретно». Мне же это не совсем подходило. Конечно, бывший военный специалист, расска-

зывая о себе, вполне может начать напускать туману и кое-что замалчивать. Но если собираешься навести с человеком мосты, расположить его к себе и склонить к откровенным разговорам, подобное поведение не подойдет. Нужны истории из дней военной службы, различные воспоминания, включая детали и подробности. Причем такие, что не оставят и крохи сомнений в моих словах. Также важно ничего не перепутать и не сказать лишнего. А чтобы подобных накладок не происходило, сейчас в тишине и спокойствии мне как раз и предстояло хорошенько продумать все детали и подробности моей выдуманной биографии.

Несколько дней у меня ушло на подготовку. Я продумала все основные вехи «своей» биографии. Адаптировала для широкой публики или придумала несколько историй из времен «своей службы». В моем репертуаре были и веселые, и грустные, и поучительные рассказы, на разные случаи жизни. На всякий случай я придумала внятное объяснение тому факту, что меня не посещают родственники в тюрьме. Наконец после долгих раздумий я решила, что в моей истории нужно оставить немного места и для импровизаций. Во-первых, они мне всегда мастерски удаются. А во-вторых, по моему скромному мнению, слабое место любой совершенной легенды как раз в том, что ее приходится заучивать. И, разумеется, проблема не в том, что это сложно или может подвести память. Как раз на память я никогда не жаловалась. А в том, что придуманный и заученный текст и звучит зачастую как заученный и никакой другой. И хороший лжец или талантливый психолог легко выявит обман просто на слух, даже факты проверять не придется. Другое дело – заученная легенда плюс доля талантливой импровизации. Такую оборону никому не пробить и легенду не опровергнуть, как ни старайся.

Видимо, благодаря вмешательству Генки Петрова мое пребывание в карантине было сокращено до одной недели. Так что торопилась я не зря, следующий этап операции начинался на следующий день. И я была к этому готова настолько, насколько это вообще было возможно.

* * *

В отличие от мужской зоны в женской тюрьме нет понятий и жесткой иерархии. Пожалуй, имеет значение лишь срок отсидки, статья и собственно поведение самой осужденной. Некоторое время назад по стране прокатилась серия скандальных репортажей и даже видео, где рассказывалось о плохих условиях содержания в женских колониях, а также о вопиющих случаях физического и сексуального насилия, которые там имеют место.

Благодаря этому во многих женских тюрьмах и изоляторах был произведен ремонт, а кое-где даже проведена перепланировка помещений, направленная на улучшения условий быта и содержания. Колония под Тарасовом, куда меня направили, была как раз из таких.

Что же касается насилия, говорят, разборки, разного рода столкновения и драки в женских тюрьмах случаются гораздо реже, чем в мужских. С другой стороны, женские драки могут быть более жестоки. Как рассказал мне полковник Петров, дамы нередко пускают в ход зубы и остро заточенные ногти. При первом удобном случае норовят вцепиться в лицо оппонентки или вырвать клочок волос побольше. В женских колониях также гораздо реже встречаются случаи применения самодельного оружия. Но любые затяжные конфликты могут перерасти в ожесточенные драки с серьезными жертвами. Так что бабушка Алины беспокоилась не зря, пожалуй.

Для женщины, которая первый раз попадает в тюрьму, бывает достаточно придерживаться нескольких важных правил, чтобы избежать конфликтов. Вести себя естественно, разумеется, не грубить и не устраивать истерики. Не болтать лишнего, особенно о сексуальном опыте и предпочтениях. Это могут неправильно истолковать и обязательно используют против тебя. Не затрагивать чужие интересы или личное пространство, что в казарме на сорок-шестьдесят человек бывает сделать трудновато. Уважительно относиться к соседям по камере. Не ставить себя в положение изгоя, демонстративно избегая общения. Не отлынивать от работы.

Не воровать и не стучать. Вести себя крайне осмотрительно, ибо любое неосторожное слово или действие может быть неправильно понято, истолковано и принято к сведению, что может сослужить плохую службу.

Правда, в случае с Алиной Поляковой все еще сложнее. Она, будучи пособницей насильников, попадает в категорию низких личностей, таких как детоубийцы, наркоманки и стукачки, что работают с начальством колонии. Их не любят, не уважают, зачастую избегают с ними общения или откровенно травят и избивают.

Впрочем, наверное, это зависит от многих обстоятельств. От того, как поведет себя Алина, от того, станет ли ее сокамерницам известно, за что именно она оказалась в заключении. И, наверное, оттого, приглянется ли девушка старшей по бараку.

В женской колонии нет воров в законе или смотрящих. Вершину местной скромной иерархии составляет старшая по бараку и по лагерю соответственно. Как правило, она избирается сокамерницами, при условии одобрения ее кандидатуры начальством тюрьмы. Старшая избирает себе помощниц. Они исполняют ее поручения и следят за порядком, графиком дежурств и прочим. И от взглядов этой женщины и от того, какую она станет проводить политику на подведомственной ей территории, зависит многое.

* * *

На следующее утро мой карантин был завершен. Конвоир проводил меня к административному зданию и завел в кабинет начальника тюрьмы. Наверное, каждый вновь прибывший заключенный проходил через аудиенцию у начальства, распределение на работу и так далее.

Кабинет начальника был обставлен довольно аскетично. Обыкновенный письменный стол, несколько стульев, книжные полки, большой шкаф со стеклянными дверцами, сквозь которые были видны корешки толстых папок с делами или документами. Одинокий цветок с длинными колючими листьями на подоконнике.

За столом, в некоторой тесноте, сидели двое мужчин в форме, оба среднего возраста и ничем не примечательной внешности. Один был немного плотнее и, может, чуть старше другого. Они оба листали какие-то бумаги, кажется, мое дело изучали, и в тот момент, когда я вошла, один на что-то указывал другому и эмоционально что-то говорил. Но резко замолчал, едва открылась дверь. Конвоир доложил о прибытии заключенной. Я переступила порог, дверь за мной закрылась. Я осталась молча стоять на месте. Молчали и мужчины, они продолжали пялиться в документы и делали вид, что меня здесь нет.

«Вот вам и подготовилась, – думала я тем временем, – нужно было хоть в общих чертах узнать у Генки, как положено себя вести новоиспеченному заключенному с новым начальством. Мало того что я за столько лет на вольных хлебах отвыкла от подобного общения, но и, подозреваю, в исправительных заведениях существуют собственные ритуалы, обязательные для выполнения».

Пауза затягивалась. Я решила, что тот, кто сидит в центре стола, скорее всего, и есть начальник. А тот, что приставил поближе к нему стул, возможно, заместитель или начальник службы безопасности. Значит, решили встречать вдвоем? Что ж, репутация меня явно опережает.

Наконец я решила, что пауза затянулась сверх всякой меры, а заодно вспомнила, что являюсь бывшим военным. Поэтому, не теряя больше времени, гаркнула:

– Разрешите войти, гражданин начальник?!

Кажется, прозвучало это неожиданно и странно. По крайней мере, оба мужчины слегка опешили, перестали тарачиться в документы и уставились на меня.

– Проходите, Евгения, присаживайтесь, – начальник колонии после новой паузы гостеприимно указал на стул, – меня зовут Михаил Петрович Хворостов, я начальник этого исправительного учреждения.

– И на будущее, – добавил заместитель, – вы должны называть свое полное имя и статью, по которой осуждены.

– Это мой заместитель и начальник службы безопасности Ковров Василий Петрович, – представил начальник коллегу.

Я сочла, что говорить «очень приятно» будет не совсем уместно, поэтому просто кивнула и выдала робкую улыбку.

– Евгения, не стану ходить вокруг да около, вы человек с военной школой и дисциплиной.

– Непонятно только, почему ее на нашу голову навязали, – склоняясь к начальнику, громким шепотом буркнул зам.

– Поэтому, надеюсь, вам не составит труда вписаться и привыкнуть к распорядку и режиму нашего заведения, – повысив немного тон, закончил все же начальник мысль. – Жилые отсеки у нас называются бараками. В каждом из них содержится по сорок женщин. На четыре отсека имеется душевая и прочие удобства. Не так давно в наших жилых, рабочих и подсобных помещениях был произведен капитальный ремонт и значительно улучшились условия содержания женщин. Поэтому мы очень гордимся нашими достижениями, уютом и стараемся поддерживать чистоту, совместными, так сказать, усилиями. В каждом бараке имеется старшая. Она ознакомит вас с распорядком дня, графиком дежурств, а также с планом территории. Она же или кто-то из ее помощниц проводит вас на склад, где вы получите два комплекта белья, одежду и набор гигиенических средств. Вам выделяют койку в бараке, покажут, где столовая, библиотека и так далее. Сегодня обживайтесь потихоньку. Завтра начнутся обычные будни. Рабочий день здесь длится двенадцать часов, из них один час выделяется на обед. Установленную норму выработки нужно выполнять непременно.

– А что нужно делать? – поинтересовалась я.

– Мы выполняем разнообразные заказы, но в основном женщины шьют спецодежду для различных служб.

– Я не умею шить!

После этого заявления повисла недолгая пауза.

– Что, даже иглу в руках никогда не держала? – язвительно поинтересовался зам.

– Разумеется, доводилось, только это была не та игла, – веско сказала я, имея в виду переносной зенитно-ракетный комплекс.

Мужчины переглянулись.

– Может, ее на кухню? – высказался начальник.

– Серьезно?! Хочешь дать ей в руки нож? – громким шепотом парировал зам.

– Готовить я тоже не умею. Совсем, – на всякий случай решила я внести ясность.

– А что вы умеете? – достаточно вежливо поинтересовался начальник.

«Умею убивать, могу даже голыми руками», – чуть не лягнула я, но вовремя сдержалась. Невооруженным глазом было видно, как неуютно было обоим мужчинам в моем присутствии. Но, похоже, они что-то такое и прочли на моем лице, потому как снова переглянулись, начальник сильно побледнел, а его зам, наоборот, сначала покраснел, а потом побледнел и пошел неровными пятнами.

– Говорю же, она должна была попасть не к нам! – громким шепотом прошипел зам. – Зачем нам все это вообще нужно?!

– Я, конечно, могу предпринять какие-то действия. Написать рапорт и отправить ее куда следует. Но на решение этого вопроса уйдет времени очень прилично. Сам знаешь, как у нас принято дела решать: неторопливо да с расстановочкой.

Оба начальника обсуждали создавшуюся ситуацию, казалось, начисто забыв о моем присутствии.

– Я не собираюсь создавать проблемы, – искренним тоном заверила я. И постаралась не думать о том, что именно за этим и явилась. Ведь потасовки заключенных и побег, который последует за ними, этим двоим сулят и проблемы, и головомойки от начальства в неограниченных количествах.

– Может, ее в медицинскую часть определить пока? – Кажется, дурной пример зама оказался заразителен, и теперь начальник излагал свои мысли громким шепотом. Потом он добавил, уже глядя на меня: – Женя, у вас есть медицинские знания?

– Только в рамках общей подготовки. В основном по оказанию первой помощи.

– Вот! Это просто замечательно!

– Ты что, Петрович?! – буркнул тот. – Это же козырная должность! С отдельным проживанием в комнате на двух человек, с душем и санузлом рядом. За нее нужно того, этого. Оказать помощь учреждению!

– Женя, скажите, – начал начальник.

Мужчина явно собирался поинтересоваться, располагаю ли я некоей суммой и готова ли ее потратить, чтобы улучшить условия своего содержания. За эти мгновения в моей голове промелькнула мысль, что проживание в комнате, отдельной от общего барака, сильно усложнит мое общение с Алиной. Да и присматривать за девушкой постоянно я не смогу никак.

– У меня нет денег, – торопливо заверила я, – совсем!

– С одной стороны, содержать ее отдельно от остального контингента очень заманчиво, – тем временем говорил начальник колонии заму.

– А с другой – общения между ними все равно не избежать, – убеждал зам, – так какой в этом смысл?

– Ладно, если не медчасть, тогда что?

– У нас ведь есть небольшой цех по производству сувенирной продукции? Вот пусть там матрешек расписывает, или что они там еще делают.

– Для этого художественный талант да некоторые умения требуются.

– Значит, пусть учится расписывать или лаком покрывает. Для этого особого умения не нужно.

– Значит, так тому и быть.

Так силовым решением и единым росчерком пера я стала ученицей художницы. И отправилась искать свой отряд, а также художественную мастерскую и женщину, которая была старшей по бараку.

* * *

В рамках подготовки к операции полковник Петров показывал мне снимки недавно отремонтированной колонии. Для привязки к местности, а также для того, чтобы я быстрее начала ориентироваться в расположении строений и могла легко отличить административное здание от барачных, производственных или технических помещений.

На снимках были клумбы и цветники, засаженные цветущими розами. Нарядные здания из белого кирпича. Чистый и светлый производственный цех, при входе в который висела яркая стенгазета с рисунками и лозунгами, словно из советских времен. Такими, например: «Любим потрудиться – есть чем погордиться!» или «За брак расплата – твоя зарплата!» Венчал сие великолепие крупный портрет мужчины, подозрительно похожего на начальника колонии или его зама, написанный акварельными красками. Мужчина приподнимал очки на изумленном лице и строго вопрошал: «А как ты сегодня поработал?»

В комнате, оборудованной под ученический класс, имелись не только парты, но и компьютеры на каждом столе. В библиотеке было много книг.

Но самое большое впечатление на меня произвели жилые помещения и душевые. Дверей в кабинках душа и туалета, конечно же, не было, зато висели яркие шторы. На стенах красовался современный розовый кафель, а сами кабинки были оборудованы новой сантехникой. В жилых же помещениях стояли двухъярусные кровати, на которых лежали яркие покрывала и подушки в парадных наволочках с рюшами. Кроме большой общей кухни, при каждом барачке имелись комнаты со столом, лавкой, стульями, чайником и микроволновой печкой, где можно было перекусить вечером или выпить чаю. Имелась в колонии и лавка с необходимым набором продуктов и гигиенических средств, а также комната отдыха с ковром на полу, мягкой мебелью и телевизором.

Разумеется, я и не рассчитывала увидеть клумбы с розами, нынче не тот сезон. Но все вокруг было совершенно иным. То ли отчетные фотографии были сняты в каком-то другом месте, то ли после репортажа все магическим образом испарилось в неизвестном направлении. Но мягкой мебели, ковра, кухонного оборудования, новой сантехники, нарядных покрывал и ярких занавесок я не увидела. Розовый кафель, правда, был все же на стенах, что позволяло предполагать, что снимали-таки здесь. Но после этого по территории словно Мамай прошелся, сметая на своем пути всю технику и предметы роскоши. Конечно, после ремонта прошло несколько лет, но подобного я не ожидала и была слегка шокирована.

Некоторое время ушло на получение вещей, обустройство в барачке и обед. Описывать его, пожалуй, не стану. Я никогда не отличалась особой изнеженностью и не имею особых кулинарных предпочтений, но здесь, думаю, мне вспомнятся кулинарные и кондитерские шедевры тети Милы не раз и не два.

После обеда женщина по имени Валентина проводила меня в сувенирную мастерскую. Это было небольшое помещение, почти полностью занятое стеллажами с заготовками и готовыми изделиями, а также широкими столами. За столами, под ярким светом настольных ламп работали несколько девушек. Одни расписывали цветными красками деревянных матрешек разных размеров. Другие расписывали узорами большие деревянные блюда или вазы для фруктов. За стеной раздавался визг столярного станка, и вообще было довольно шумно. Я непроизвольно поморщилась.

– Это ненадолго, – усмехаясь, пояснила девушка в темном платке, что сидела ближе к двери, – сейчас лес распилят на заготовки, и несколько часов будет тихо.

– Девочки, – перекинув визг станка, сказала Валентина, – знакомьтесь, это Евгения. Она будет работать с вами подмастерьем. Пусть кто-нибудь возьмет ее в обучение.

– А как же нормы выработки?

– Первое время у нее норм не будет. Также норма значительно снижается для учителя. Это распоряжение Петровичей.

– А, блатная, – протянул кто-то из глубины помещения.

– Красивая, – ответил другой голос, словно соглашаясь. И как будто это определение в комплекте с предыдущей репликой все поясняло.

– Значит, я пойду, – сказала Валентина, – кто учить-то возьмется?

– Я! – выкрикнула женщина в синей косынке. – Ты проходи, Женя, мы не кусаемся. Меня Ольгой кличут. Ты рисовала когда-нибудь?

– Да так, ничего выдающегося – «но я охраняла популярную художницу с настоящим талантом», – хотелось мне добавить, но, разумеется, пришлось смолчать, – я умею грунтовать полотно и работать по трафарету или шаблону.

– Значит, совсем бесполезной уже не будешь. – Мне показалось, что Ольга выдохнула с облегчением.

До семи вечера я находилась в мастерской. Когда стих визг столярного станка, стало намного тише. Но девушки еще какое-то время работали молча. Потом немного освоились, привыкли к моему присутствию и начали потихоньку разговаривать. Но много мне узнать не удалось. Мы познакомились, то есть девушки по очереди назвали свои имена. Рассказали, что они из разных отрядов. Ведь в эту мастерскую попадали лишь те, кто раньше учился в художественной школе или просто умел хорошо, талантливо рисовать. Я предпочла пропустить явный намек мимо ушей, не стоит обострять отношения без особой надобности. Даже учитывая, что я здесь временно.

Главного мне выяснить пока не удалось, я по-прежнему не знала, попала ли в один барак с Алиной и удалось ли Генке это устроить. Судя по всему, Алина работает в другом месте, если она и живет не рядом, общение с ней будет весьма затруднительно. Тогда, полагаю, мне придется предпринять какие-то шаги, чтобы изменить существующее положение вещей. Но планировать это было преждевременно.

Также я пока не вышла на контакт, организованный полковником. Но торопиться с этим тоже не стоило. Мы заранее договорились, что тот контакт будет на экстренный случай, и я воспользуюсь им, только если не будет другого выхода.

После окончания рабочей смены все отправились в свои бараки или в столовую. Принимать пищу здесь было принято вместе со всем отрядом, а поскольку столовая была не так уж и велика, помещалось в ней только по четыре отряда за один раз. Ели здесь посменно, и времени на это отводилось не больше получаса. Дежурные едва успевали накрыть на стол между сменами. Посуду же за собой каждый убирал сам.

Многие женщины здесь носили платки или косынки темных тонов, и почти каждая из них во время еды низко опускала голову. Поэтому ни во время обеда, ни во время ужина мне не удалось высмотреть среди присутствующих Алину.

Ее я увидела лишь в бараке и, честно сказать, сразу не узнала. Генка показывал мне снимки Алины, которые не отличались особым качеством. Но с них смотрела стройная, если не сказать шуплая девушка невысокого роста, блондинка с яркими голубыми глазами. Модная стрижка, умеренный макияж, приятные черты лица. Возможно, губы слегка тонковаты, но это ее не портило. Пожалуй, внешне Алина очень походила на свою бабушку в молодости, и ее можно было назвать хорошенькой, даже красивой.

Теперь же Алина сильно изменилась. Жуткая роба, ни следа косметики или прически, уродливая косынка на голове, излишне бледное лицо, затравленный взгляд лихорадочно блестящих глаз. На тонкой шее, чуть пониже ключицы, отчетливо виден наполовину сошедший синяк, на кисти свежий кровоподтек. Значит, Алина или невероятно неуклюжая особа, или ее достаточно сильно прессуют в заключении. Теперь остается только понаблюдать и узнать, кто именно: представители администрации или другие заключенные. Разумеется, выходить на контакт с девушкой я не торопилась. Не стоит бросаться к ней с места в карьер и заявлять, что я прибыла с миссией спасения. Это прозвучит глупо и неизбежно будет воспринято скептически. Поэтому я пока наблюдала, очень осторожно, чтобы ничем не выдать своей заинтересованности.

После ужина женщины занимались своими делами и готовились к отбою. Кто-то торопливо писал письма родным, кто-то собирался постирать свои вещи или занимался другими бытовыми делами. Алина улеглась на свою постель прямо поверх одеяла, уставилась в одну точку и не двигалась. Я даже начала подозревать, что она уснула. Но как только кто-то сказал, что в душе дали горячую воду, Алина резво поднялась с кровати и направилась к шкафчикам, в которых хранились личные вещи, в основном всякие мелочи. Достала из своего пакет с принадлежностями для купания и полотенцем и немедленно вышла за дверь.

– Я еще не до конца знаю, что здесь где, – обратилась я к девушке, которая, взяв небольшой пакет, двинулась в сторону выхода, – можно и мне в душ? Я Женя, кстати.

– Я Марина, и, разумеется, ты можешь пойти. Только не копайся долго. Горячая вода здесь редкость, да и пропасть может практически в любой момент.

– Холодной водой меня не испугаешь. Знаешь, я после СИЗО, потом изолятор. Так что еще чуть-чуть, и буду готова мыться в луже.

Девушка хмыкнула.

– Понимаю, но все равно поторопись.

В душе столпилось много народу, в помещении витал теплый пар. Чтобы не терять времени зря, многие раздевались, прямо стоя в очереди, или расстегивали одежду, чтобы сбросить ее практически в одну секунду. Алина ушла намного раньше, чем мы с Мариной, и теперь была впереди. Время шло, очередь продвигалась медленно. Счастливиц, что пришли первые, одергивали грубоватыми комментариями, чтобы мылись быстрее и не копались, нежась под горячими струями воды. Но очередь все равно двигалась медленно, словно неохотно.

– Не вздумайте там, за шторками, постирушки устраивать, – зычно выкрикнула женщина неопределенного возраста, – поимейте совесть. Всем нужно мыться, и все хотят мыться в горячей воде.

– Девочки, и правда, можно ведь немного ускориться, – добавил кто-то из очереди.

– Ой! – вдруг выкрикнул кто-то. – Все, помылись, называется, даже пену смыть не успела.

– Что случилось? – сделала вид, что не поняла я.

– Помнишь как в том фильме? «О, тепленькая пошла!», – поморщилась Марина, – так вот, здесь то же самое, только наоборот.

Очередь быстро, почти мгновенно рассосалась. Девушки и женщины, которые мылись, торопливо выключали воду, одевались и покидали кабинки.

– И что же теперь? – спросила я у Марины.

– Теперь программа-минимум. Банка из-под майонеза и новая очередь к бойлеру на кухне барака, а потом в кабинку туалета. Но ты можешь попытаться счастья, если холодная вода для тебя не преграда. Только смотри, не простудись. У нас в медсанчасти зачастую из лекарств один аспирин.

– Она уже холодная, но еще не ледяная, – пробормотала одна женщина. И со словами: – Сполоснусь по-быстрому, – вошла в одну из кабинок.

В этот момент из предпоследней кабинки вышла Алина, а следом за ней из последней в ряду кабинки – стройная девушка с полотенцем на мокрых волосах. Она вскинула руки и быстро толкнула Алину в спину. Та, не ожидая толчка, мгновенно растянулась на мокром кафельном полу перед кабинками. Я, стоя к ним вполоборота, в это время медленно раздевалась и заметила произошедшее лишь потому, что внимательно следила за подопечной боковым зрением.

– Ой, какая неприятность! – прокомментировала девушка с полотенцем. – Нужно быть осторожней – пол такой скользкий.

Она аккуратно обошла Алину и направилась к выходу из душевой. Алина молча поднялась, отряхнулась, потом вернулась в кабинку, открыла воду и стала прямо на себе замывать самые заметные пятна. Я торопливо сполоснулась под ледяными струями и, пока вытиралась и надевала свои вещи, слышала, как Алина закрыла кран и вышла. Возвращаясь в барак, я видела ссутулившуюся спину бредущей впереди девушки.

Моя кровать оказалась расположена в очень удобном месте, койка Алины отсюда просматривалась достаточно хорошо, и наблюдать можно было, не привлекая внимания. Ночь прошла спокойно. Только вечером, сразу после отбоя, когда потушили свет и все стали укладываться, к кровати Поляковой подошла одна девушка, склонилась над ней и что-то прошептала. Судя по лицу Алины, девушка сказала ей нечто неприятное. Но, заметив, что я на нее смотрю, девица мгновенно ретировалась. Еще немного понаблюдав, я пришла к выводу, что Полякову

прессуют старшая по бараку и ее помощницы. А вот что это, личная инициатива женщин или распоряжение начальства, было непонятно. Да и не особо важно, по большому счету.

* * *

Для меня подъем ранним утром – привычная вещь. Тут начальник колонии был прав, говоря, что к распорядку дня мне привыкнуть не составит труда. Отдых в помещении, полном других людей, напоминал отдых в казарме времен учебы и тоже был привычен. А вот ограничение свободы передвижения и физической нагрузки давалось мне очень тяжело. Тело, привычное к ежедневным тренировкам, изо всех сил противилось долгому бездействию. Впрочем, я знала, на что шла, и мой дискомфорт был временным и не имел значения.

Утром, сразу после подъема, в бараке все задвигались и зашевелились. Женщины проворно сновали по своим делам, не теряя времени. Через час начиналась рабочая смена, и до завтрака нужно было успеть многое. Привести себя в порядок, умыться, застелить постели, доделать то, что не успели вечером, и так далее.

Оделась я быстро и теперь делала вид, что вожусь с кроватью, чтобы дольше оставаться в помещении, потому что там оставалась Алина, которая тоже почему-то мешкала.

– Новенькая, у нас копать не принято! – окликнула меня Валентина, подходя поближе. – Если мы опоздаем на завтрак или на работу, накажут весь отряд. Тебе за это никто благодарен не будет.

– Хорошо, я уже заканчиваю.

– Ты! – продолжала кричать женщина, только тон ее сделался более агрессивным, и обращалась она уже не ко мне. Она придвинулась ближе к койке Алины. – Ты опять за свои фокусы!

Женщина подошла еще ближе, почти вплотную, что-то зло прошипела и, похоже, даже собралась замахнуться.

– Что происходит? – растерянно пробормотала я. – Может, нужна помощь?

Это словно отрезвило Валентину. Она двинулась к выходу, на ходу бормоча, чтобы мы обе не вздумали задерживаться, потому как отряд уже почти собрался и готов направляться на завтрак.

– У тебя неприятности и нужна помощь? – снова обратилась я к девушке.

– Послушай, новенькая, ты ведь Женя, да?

– Да, а тебя, я слышала, Алиной зовут.

– Вот и познакомились! Послушай, Женя, не лезь не в свое дело. Так и правда будет лучше.

– Но если есть проблемы или тебя обижают, я в самом деле помогу.

– Как сможешь? Исполнишь желание, как золотая рыбка? Стучать начальству побежишь? Так знай – здесь такого не любят и не прощают! При чем огребем мы обе, несмотря на то, что я не при делах! Так что у меня все нормально, и не лезь в это! – отрезала она.

– А если я имела в виду вовсе не это? Что ты скажешь тогда?

– Скажу, что если мы задержимся еще хоть на полсекунды, то обе огребем от Валентины, и произойдет это немедленно.

Я повела бровью.

– Тогда пойдем быстрее и давай встретимся где-нибудь после завтрака, чтобы поговорить без свидетелей. Это может быть очень важно!

– Не совсем тебя понимаю, – быстро пробормотала она, – но ладно. Сразу за производственным цехом есть небольшая курилка. Деревянное строение без одной стенки, нечто среднее между навесом и сараем. Это укромное место, и после завтрака там, скорее всего, никого не будет.

– Хорошо, встретимся в курилке.

Во время завтрака Алина смотрела в одну точку, жевала с безразличным выражением на лице и ни разу не глянула в мою сторону. Зато я поймала на своей особе несколько заинтересованных или недоуменных взглядов.

Похоже, события развиваются немного быстрее, чем я рассчитывала. Не успела я установить с подопечной предварительный контакт, как сей факт сразу привлек внимание сокамерниц. Значит, нужно готовиться к разговору. Надо будет на досуге продумать свою линию поведения.

– Что это значит? Почему ты ищешь общения со мной и предлагаешь помощь? Кто тебя прислал? – налетела на меня с вопросами при встрече наедине Алина.

– Спокойно, я не сделала ничего, чтобы вызвать твою злость.

– Правда? А как по мне, ты привлекаешь лишнее внимание, уж не специально ли? Так что я повторюсь: кто ты такая, кем послана и с какой целью?

«Ой, какая недоверчивая девочка!» – подумала я, сохраняя недоуменное выражение на лице. А потом ответила спокойным, ровным голосом: – Я такая же заключенная, как и ты, как и все вокруг. Но ты права, помощь я предложила не просто так. Об этом меня попросила Лидия Павловна, твоя бабушка.

Некоторое время Алина молчала и внимательно меня разглядывала, пауза затягивалась. Наконец она произнесла:

– Чем докажешь?!

– А, прости, чуть не забыла, – я торопливо сняла с шеи медальон на цепочке, – она просила передать тебе эту вещицу. Вроде как это семейное украшение, которое ты должна узнать.

Алина выхватила медальон, открыла и некоторое время настороженно всматривалась в монограмму. Потом поцеловала ее, захлопнула крышечку и повесила украшение себе на шею.

– Грехи, значит, замаливать пытается, – буркнула девушка так тихо, что я едва ее слышала. А потом добавила громче: – Итак, тебя просили передать украшение, за что спасибо, конечно. Оно принадлежало предкам матери и дорого мне. Что до помощи или содействия какого-либо рода, еще раз повторюсь: не лезь в это.

– Ты можешь пояснить, почему отказываешься от моего содействия?

Алина поморщилась, словно ее лицо на несколько мгновений свело судорогой:

– Да что ты можешь вообще? Делить со мной на двоих тумачи с тычками? Вот уж радость-то!

– Думаю, ты сильно удивишься.

– Да? – Она немного подумала. – В любом случае, Женя, спасибо тебе за предложение помощи, но держись от меня подальше. Так правда будет лучше – и для тебя, и для меня.

– Хочешь сказать, твоя бабушка неверно понимает ситуацию и помощь тебе не нужна?

– Я не знаю, что и как она понимает, – недовольно буркнула Алина, – но поможешь ты мне или нет, а на себя обязательно навлечешь неприятности, если станешь здесь лезть в дела, тебя не касающиеся. Здесь каждый сам по себе. Уясни это, и пребывание в этом месте сразу станет гораздо проще. Более того, твои неуклюжие попытки вмешаться в ситуацию и как-то мне помочь могут, наоборот, навлечь на меня дополнительные неприятности. Я понятно объясняю?

– Спасибо, очень доходчиво, – с непроницаемым выражением лица кивнула я, – но что если перспектива более мрачная, чем тебе кажется?

– Что ты имеешь в виду?

– Пара тычков и затрещин – это, конечно, ерунда. С этим можно и самостоятельно разобраться. Но что, если конфликт, как это часто бывает, станет развиваться по нарастающей? И тебе понадобится реальная помощь или поддержка?

– Думаю, ты сгущаешь краски, и не все так мрачно. – Девушка пожала плечами. Теперь уже она изо всех сил старалась сделать невозмутимый вид и сохранить непроницаемое выражение лица. – В любом случае, повторюсь, помощь мне не требуется, отстань.

– Ладно, как скажешь. Мое дело предложить.

После разговора мы разошлись в разные стороны. Как я уже выяснила, Алина работала в пошивочном цехе. Мне же нужно было отправляться в сувенирную мастерскую. Скоро началась смена.

Похоже, самым большим испытанием для меня здесь будет рабочий день. Эти бесконечные нудные часы за столом в прохладном помещении мастерской. Резкий запах красок, лака и дерева, а еще скипидара, в котором промывали кисти. Но самым сложным было сознание, что, сидя здесь, я никак не приближусь к выполнению своего задания.

Что же предпринять, чтобы избежать этой ежедневной рутины? Может быть, организовать небольшую производственную травму? Но если ее сочтут сложной, меня запрут в медицинском крыле, а если слишком легкой, от работы меня никто не освободит. Может быть, все же медицинский отсек? Оттуда, вероятно, будет не сложно сбежать, чтобы слоняться по территории и исподволь наблюдать за Алиной. С другой стороны, подобным поведением я рискую привлечь слишком много нежелательного внимания. А делать этого пока не стоило. Нет, на столь крайние меры я всегда успею пойти, а сейчас лучше подождать.

Но попасть в пошивочный цех мне очень хотелось. Значит, придумать что-то необходимо, причем как можно скорее. Здесь практически под рукой достаточно много различных средств, таких как лак, скипидар или ацетон. Они очень токсичны, а также токсичны их пары. Словно в ответ на мои мысли, Ольга поручила мне покрывать готовые матрешки лаком и велела делать это на столе, который ближе к окну. Разумеется, окно следует отворить настежь, чтобы не угореть самой и чтобы остальные не надышались. Но скоро стало понятно, что в прохладном помещении стало нестерпимо холодно из-за открытого окна. И я решила немного прикрыть створку, а потом и вовсе ее закрыла. Стараясь задерживать дыхание как можно дольше, я в два счета справилась с заданием.

– Уже закончила? – обрадовалась Ольга. – Ты проворная, это хорошо. Значит, будет время немного поучиться. Пойди в соседний цех, где заготовки делают, найди небольшой кусок бракованной доски. Я дам тебе кисть и краски и покажу несколько простеньких узоров. А ты попробуй повторить их. Посмотрим, что получится.

Но радовалась Ольга слишком рано. Я изобразила вымученную улыбку на бледном лице, поднялась, чтобы подойти к двери, и даже сделала неуверенный шаг в ее сторону. Потом еще больше побледнела, картинно закатила глазки и грохнулась в обморок прямо на пол. При падении, разумеется, умело сгруппировалась, чтобы не покалечиться об острые углы столов или табуретов.

Сначала от растерянности никто не среагировал. Кажется, Ольга успела вскрикнуть. Но не успела меня подхватить. Женщины повскакивали со своих мест, начали охать и суетиться.

– Девочка постеснялась окно сильно открывать, чтобы нас не заморозить. Вот и надышалась, бедняжка.

– Нужно расстегнуть пару пуговиц, дать доступ кислороду, и окно треклятое откройте, кто ближе.

– Ой, какой ужас!

– Просто кошмар, никогда не видала такого!

– Да не галдите вы, как морские чайки! Рита, смочи полотенце, надо обтереть ей лицо и шею! Если не поможет, пусть кто-нибудь сбежит за медиком.

Женщины продолжали что-то говорить и суетиться. Я еще немножко полежала без признаков жизни, а потом решила, что пора сворачиваться, а то и впрямь пошлют за врачами. Я

позволила своим ресницам легонько затрепетать, потом порывисто вздохнула, открыла глаза и сделала неуклюжую попытку приподняться.

– Тише, тише, не торопись. Тебе уже лучше, Женя?

– Честно говоря, я не совсем поняла, что произошло. Внезапно меня замутило, а комната поплыла перед глазами, и вот я уже на полу.

– Ты надыхалась лаком. Это сразу видно, вон как глаза слезятся.

– Пусть кто-нибудь проводит Женю в санчасть, – распорядилась Ольга.

– Не стоит, кажется, мне уже лучше, гораздо лучше. Только слабость сильная накатила и мутит немного.

– Ей бы молока свежего выпить, враз легче станет.

– Или подышать воздухом немного, здесь все еще сильный запах лака стоит, да и другие ароматы.

– Да, мне и правда нужно немного подышать, – согласилась я, все же поднимаясь с пола.

– Если тебя увидят шатающейся по территории во время рабочей смены, неприятности в первую очередь будут у меня, а во вторую – у тебя, – пояснила Ольга. – Давайте сделаем вот что. За пошивочным цехом есть курилка, тут недалеко. Место укромное, и, думаю, там сейчас никого быть не должно. Подыши немного воздухом, а потом отправляйся в магазин за молоком. Деньги есть у тебя?

Я пожала плечами:

– Еще не видела цен в местной лавке, но, думаю, на молоко хватит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.